

Attachment to Form 1041

Name of Beneficiary		Date of Birth		Date of Death		Date of Distribution	
Estate of				Beneficiary of			
Name of Decedent				Name of Beneficiary			
Address				Address			
City, State, and ZIP Code				City, State, and ZIP Code			
Social Security Number				Social Security Number			
Tax Identification Number				Tax Identification Number			
Signature of Beneficiary				Signature of Beneficiary			
Date				Date			

Part of Form 1041

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Оживший покойник	26
Убийца или почти	37
Алло, папа?	49
Спонтанное самовозгорание и другие гниения	68
Мухи и скелет	78
Скелеты повсюду	86
Восхитительная мумия	97
Смерть на ферме	110
Человек, который хотел умереть.	117
Убийство, замаскированное под суицид.	131
Каминная топка	145
Пули и желание умереть	159
Смертоносная вилка.	174
Основной инстинкт	184
Смерть от удушья.	201
Язык мой — враг мой	212
Заговор женщин	223
Потеющая покойница и другие утопленники	243
Истории суда присяжных заседателей	252
Заключение	266

ВВЕДЕНИЕ

Замысел книги, которую вы держите в руках, родился у меня благодаря желанию рассказать о буднях судебно-медицинского эксперта. Я в этой профессии уже более 30 лет. Несмотря на огромную роль судебной медицины, этой областью не очень интересуется широкая публика. Исключением являются только криминальные сериалы и детективы, но часто все, что там происходит, имеет мало общего с действительностью. Для меня было важно показать, как все происходит на самом деле. Мне хочется приоткрыть занавес профессии, окутанной многочисленными мифами и легендами, и познакомить читателей с реальностью. Я предлагаю вам посетить места некоторых преступлений и несчастных случаев.

Стоит сказать, что я специально решил не рассказывать вам о самых известных трагедиях, случившихся в период моей работы в Льеже (моя профессиональная деятельность охватывает главным образом провинции Льеж и бельгийский Люксембург). Так, например, я не буду говорить об автомобильной катастрофе в Ставло в 1998 году, когда грузовик понесло на крутом спуске и он взорвался в исторической части города; о деле Стаси и Натали — двух маленьких девочек, которых похитили и убили в 2006 году в районе Сен-Леонар в Льеже; о взрыве газа на улице Леопольда в Льеже, жертвами которого стали 14 человек,

погибшие в результате пожара и обрушения двух зданий; о террористическом акте на площади Сен-Ламбер в 2011 году, когда некий Нордин Амрани открыл огонь по толпе, убив и ранив многочисленных прохожих, в том числе и школьников; о теракте на бульваре д'Авруа в 2018 году, когда Бенжамен Эрман убил двух женщин-полицейских и одного молодого человека, перед тем как его застрелили сотрудники правоохранительных органов. Каждый может получить всю необходимую информацию по этим трагедиям, так как воспоминания о них все еще ярки как у родственников жертв, так и у обеспокоенного общества.

Я принял решение познакомить вас с менее выдающимися происшествиями — обычными историями из практики судмедэксперта. Такие лучше всего отражают нашу работу: как особенности расследуемых дел, так и открытия, которые мы совершаем на службе правосудию и на благо науки. Именно поэтому речь пойдет о самых изобретательных самоубийствах, замаскированных под несчастные случаи убийствах, бурных дебатах во время заседаний суда присяжных и некоторых очень необычных несчастных случаях. Разумеется, повествование будет деликатным и беспристрастным в соответствии с общими принципами профессиональной этики.

Я также решил не писать об этих историях в слишком жалостливом тоне: для умершего человека смерть не является трагедией, как не является ею и для специалиста — это всего лишь часть его работы. Каждый исследуемый мной умерший человек — неодушевленный объект изучения, который обретает

ВВЕДЕНИЕ

личность лишь тогда, когда ко мне обращаются его родственники. Вот поэтому я не люблю встречаться с ними до того, как изучу покойного. Лучше всего — только после вскрытия по желанию родственников и с разрешения судьи.

Судебная медицина — увлекательная профессия. Вы сами убедитесь в этом по мере чтения моих рассказов. Все они основаны на реальном опыте. То уважение, которое следует проявлять по отношению к покойному, ничем не отличается от уважения к живому человеку, и я всегда считал, что провожу исследования и вскрытия во имя этого уважения — в поисках причин смерти. Поэтому не следует удивляться тому, что я описываю эти истории в юмористическом стиле — это ни в коем случае не говорит о пренебрежении к покойному.

/// Мы так привыкли к смерти, что нас может забавлять она и даже ее обстоятельства, но мы всегда уважаем умершего.
///
///
///
///
////////////////////

Наконец, все эти истории достоверны в той же степени, в какой достоверны судебно-медицинские выводы. Разумеется, чтобы сделать чтение более приятным, я придал им художественную форму, иначе они бы так и остались обычными судебно-медицинскими протоколами. Я использовал вымышленные имена, а также сформулировал внешний контекст этих историй или, по крайней мере, ту их часть, которая оставалась для меня неизвестной. В остальном все, что вы

прочитаете в этой книге, является отражением реальности. К тому же в выдумках нет никакой необходимости, ведь действительность богаче всех фантазий, а человеческое воображение — вы убедитесь в этом сами — воистину безгранично, когда речь идет о том, чтобы убивать других, убивать себя или прятать тело после убийства.

КАК СТАНОВЯТСЯ СУДМЕДЭКСПЕРТОМ?

Я легко представляю себе первый вопрос, который приходит вам в голову — именно его мне задают чаще всего на протяжении всех 30 лет моей карьеры: «Как становятся судмедэкспертом?» Если вы думаете, что одним прекрасным утром я проснулся с осознанием, что хочу стать судмедэкспертом, то вы заблуждаетесь. Как и во всех остальных случаях (в конечном счете судмедэксперт — это такая же или почти такая же профессия, как и любая другая), этот выбор стал результатом долгого размышления, определенных встреч и стечения ряда обстоятельств.

/// Когда мне было 18 лет (а в этом возрасте нет
/// ничего невозможного), я хотел быть священ-
/// ником.

Я вырос в католической семье, постоянно бывал на мессах по субботам и воскресеньям и даже читал Евангелие и участвовал в причащении вместе

ВВЕДЕНИЕ

с кюре¹ нашего прихода — священнослужителем со строгим видом и доброй душой. Я учился в церковной школе у отцов-иезуитов и все еще не мог определиться со своим будущим. Меня очень привлекал духовный сан, я обожал изучать Евангелие, встречаться с людьми, помогать тем из них, у которых была в этом потребность, и чувствовал себя готовым к служению Богу.

На протяжении многих лет я сопровождал друзей, совершавших паломничество в Лурд; среди них был один отец-иезуит, с которым я поддерживаю прекрасные отношения с моих 15 лет. Нас на несколько недель летних каникул гостеприимно приняли монахи Братства Лурдской Богоматери. Это было летом 1983 года. Я помогал в церкви при купели, когда туда пришел епископ диоцеза². Совершив омовение, он вышел из помещения, и я пошел за ним, чтобы поговорить о своем призвании. Мы сели на скамейку на берегу реки Гав-де-По, на которой и стоит город Лурд, и побеседовали не многим менее часа. Епископ посоветовал мне сначала получить аттестат о среднем образовании и поступить в университет, а затем уже прийти к нему, если мои намерения останутся прежними. Эта встреча буквально окрылила меня, и я решил последовать его совету.

Университет располагался в большом, довольно мрачном и впечатляющем здании, которое находи-

¹ Во Франции, Бельгии и некоторых других странах: католический приходской священник.

² Церковно-административная территориальная единица.

лось в самом центре моего города, Льежа. Я долго не мог выбрать между медицинским и юридическим факультетом. Эти профессии очень отличались друг от друга, но их объединяло то, что и в том и в другом случае они обращались к человеку общим образом и позволяли разрешать проблемы, с которыми он сталкивался. Я поднялся по широкой лестнице, которая вела на этаж, где находился ректорат — там принимали документы. Тогда они заполнялись от руки, так как компьютеры еще были в диковинку, интернет не существовал, а телефоны висели на стене. Рассказывая об этом сейчас, чувствую себя динозавром. Так вот... я стоял в коридоре и долго не решался войти. Какой все-таки факультет — юридический или медицинский? Принимая решение, я столько раз подбрасывал монетку, что количество результатов в пользу каждого факультета сравнялось, а это мне несколько не помогало. Так я провел целый час. Приемная комиссия должна была уже закончить свою работу. Я отдавал себе отчет в том, что, если я вернусь туда на следующий день, ситуация вряд ли изменится. И тогда меня осенило: я войду вслед за студентом, работающим в приемной комиссии, который первым придет вызывать очередного абитуриента. На медицинский факультет документы принимала девушка, а на юридический — парень. Они подошли к двери одновременно. Парень вежливо пропустил девушку вперед, и поэтому я поступил на медицинский.

Учиться мне было очень интересно: профессора увлекательно читали лекции, и я открывал для себя науку. Раньше я специализировался только на гре-

ВВЕДЕНИЕ

ческом и латинском языках, изучение которых имело мало общего с естественными дисциплинами. После первого курса я снова встретился с льежским епископом ван Зейленом и признался ему в том, что отказался от своего намерения стать священником. Он не выразил особого удивления. По его словам, я не верил в Бога по-настоящему, а просто испытывал интеллектуальную жажду. Епископ был прав, но мне понадобилось еще несколько лет, чтобы окончательно убедиться в этом. Я стал атеистом, но мой атеизм не носит антиклерикальный характер, а среди моих друзей даже есть несколько священников, в том числе и из религиозной организации *Opus Dei*, а также священники, лишенные духовного сана. Впрочем, мне жаль, что я утратил веру. Иметь надежду — это так прекрасно!

Время шло, и я начал изучать топографическую анатомию, то есть специализироваться на вскрытиях. Это обучение продлилось четыре года, и оно позволило мне получить очень глубокие знания в области строения человека. Тогда я еще не знал о том, что в жизни эти знания мне очень пригодятся. В течение месяца вместе со своим однокурсником я участвовал в исследовательских работах, посвященных пересадкам кожно-мышечных лоскутов. В частности, мы занимались пересадкой широкой мышцы спины под руководством профессора Фиссетта. Тот однокурсник, ставший в дальнейшем блестящим нейрохирургом, разработал метод, который позволял визуализировать кровеносные сосуды и их различные разветвления, но для этого нужен был специальный рентгено-

логический аппарат. Ближе всего ко мне тогда был аппарат судмедэкспертов — так я впервые установил контакт с Институтом судебно-медицинской экспертизы. Меня заинтересовала техника вскрытия, и я обратился к профессору Андре с просьбой разрешить мне присутствовать на аутопсии. Такая просьба могла быть выполнена только в случае прохождения стажировки по судебно-медицинской экспертизе на законных основаниях, что вполне было возможно, учитывая перечень направлений, предлагаемых нам университетом, и поэтому я выбрал именно ее. По ее окончании профессор Андре и сменивший его профессор Браи предложили мне место ассистента, но я от него отказался. Тогда я хотел быть врачом-терапевтом.

По завершении учебы я должен был отслужить в армии. У меня не было никакой возможности уклониться от службы, так что я с радостью согласился с неизбежным. Я говорил себе, что служба в армии могла бы быть очень полезным опытом, а поскольку у меня также не было никаких законных оснований оставаться в Бельгии, я был вынужден на год оказаться в составе бельгийских вооруженных сил, дислоцированных в Германии. После месячной подготовки в Генте меня отправили в Германию, в Верль, в третий артиллерийский батальон. Я прослужил там год и участвовал во всех передислокациях и маневрах, во время которых мне довелось дважды попасть на остров Крит и много раз летать на вертолете Alouette II. Но самым интересным для меня стала возможность оказывать медицинскую помощь не только военным, но и их

ВВЕДЕНИЕ

семьям. В число моих потенциальных клиентов сразу попали 1500 человек — в обычной жизни о таком количестве пациентов начинающему врачу, не имеющему опыта, можно было только мечтать. Я был очень счастлив в то время — это был прекрасный период. Признаюсь, что я расстался с армией с большим сожалением.

Возвращение на гражданку оказалось для меня резким и болезненным. Я открыл кабинет общей терапии и уже через 2 недели получил звонок, который изменил всю мою жизнь. Профессор Браи пригласил меня на обед, чтобы поговорить о моих планах. Через несколько дней, 8 октября 1991 года, мы встретились в ресторане L'Entrecôte недалеко от Института судебно-медицинской экспертизы. Мне очень нравилось не только расположение ресторана, но и его анатомическое название, ведь «антрекот» буквально значит «между ребрами». Жорж ждал меня, погружившись в изучение меню, хотя и знал его наизусть. Мы поговорили, и, так как мне не хотелось отказываться от общей врачебной практики, мы договорились, что я буду работать в отделении судебной экспертизы на полставки. С 9 октября я стал внештатным ассистентом судмедэксперта.

В течение 2 лет я занимался частной практикой в качестве терапевта и изучал судебную медицину, а также проходил стажировку по определению степени тяжести причиненного вреда здоровью. Мне было очень трудно совмещать эти профессии, ведь работа врачом-терапевтом требует готовности в любой момент приехать по вызову... и того же требует работа